

Е.Н. Наземцева

*Барнаульский государственный педагогический
университет*

Советско-китайские соглашения 1921 г. о ликвидации белогвардейских войск на территории провинции Синьцзян

Российско-китайские отношения имеют давнюю историю и многовековые традиции: особенно насыщенными они стали в XIX в. Их основное содержание сводилось к налаживанию межгосударственных контактов путем обмена посольствами и миссиями, у регулированию территориально-пограничных вопросов и развитию торгово-экономических связей. Новый этап в истории отношений России и Китая начался в первой четверти XX в. Революции и гражданские войны, развернувшиеся на территории двух сопредельных государств оказали противоречивое влияние на их взаимодействие. Особенностью этого периода явилось вмешательство великих держав во внутреннюю и внешнюю политику двух стран. В ноябре 1917 г. по инициативе советского правительства начались переговоры с Китаем об установлении равноправных дипломатических, консульских и торговых отношений¹.

Переговоры неоднократно прерывались пекинским правительством, которое под нажимом империалистических держав занимало враждебную позицию в отношении Советской России.

Бывший царский посланник в Пекине Кудашев писал, что политика пекинского правительства в отношении Советской России была неровной. Оно опасалось влияния русской революции на движение в Южном Китае и зависело от союзников². Лишь в начале

сентября 1920 г. (после окончательной победы большевиков в гражданской войне) китайское руководство приняло, наконец, решение о прекращении деятельности миссии и консульств царского правительства³. Далее было объявлено, что Китай будет придерживаться нейтральной позиции в отношении гражданской войны в России⁴.

Кроме того, отношения Советской России с Китаем в начале 1920-х гг. в немалой степени зависели еще от одного, весьма важного фактора. В приграничных с Советской Россией районах Китая активно действовали крупные белогвардейские формирования. В Маньчжурии действовали подразделения атамана Семенова. Монголия была оккупирована воинскими частями барона Унгерна. В провинции Синьцзян, расположенной на западе Китая, обосновались значительные остатки Оренбургской и Семиреченской армий. Возглавили вышеназванные белогвардейские формирования соответственно: атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант А.И. Дутов, командир 4-го Оренбургского стрелкового корпуса генерал-лейтенант А.С. Бакич, командующий Отдельной Семиреченской армией генерал-майор Б.В. Анненков. Причем уже в 1920 г. в Харбине из остатков Оренбургского казачьего войска была создана Оренбургская дальневосточная казачья станица⁵.

Оренбургская армия атамана Дутова и Отдельный Оренбургский стрелковый корпус генерала Бакича потерпели поражение от Красной Армии на Южном Урале. В конце 1920 г., измотанные тяжелыми боями, они вынуждены были отступить к китайской границе.

В этом же направлении отступали и подразделения атамана Анненкова, сражавшиеся до этого на Алтае, в Семиречье и Северном Казахстане. 14–27 марта 1920 г. войска белогвардейцев были интернированы на территории китайской провинции Синьцзян⁶. В течение 1920 г. в Синьцзян эмигрировали и другие, более мелкие белогвардейские военные соединения.

В результате к весне 1921 г. в Синьцзяне оказалось около 50 тысяч хорошо вооруженных солдат и офицеров, руководство которых имело достаточно средств для обеспечения своих подчиненных питанием, обмундированием и оружием⁷. Очевидец событий — белогвардеец Камский в своих воспоминаниях писал, что «местные китайские власти первое время совершенно растерялись и только с ужасом

смотрели на все новые и новые толпы пришельцев, и, не обладая никакой сколько-нибудь серьезной военной силой, не могли оказать противодействия каким-нибудь начинаниям русских»⁸.

Оказавшись в эмиграции, белогвардейцы не отказались от продолжения борьбы с Советской Россией. После ожесточенной борьбы за власть руководителем военной части эмиграции стал атаман Дутов. Практически сразу же он начал подготовку к новым боям. В его планы входило вторжение в Советскую Россию с новыми воинскими частями и наступление на Семипалатинскую область. Однако этому не суждено было сбыться. Генерал Бакич, на помощь которого рассчитывал Дутов, занял выжидательную позицию. На атамана Анненкова рассчитывать так же не приходилось. После неудачной попытки мятежа против китайских властей, отказавшихся выделить средства на питание для его полка, Анненков был посажен в тюрьму, а его полк разоружен. Сам атаман Дутов был убит чекистами в своем штабе в г. Суйдуне 6 февраля 1921 г. В результате этих событий весной 1921 г. белую эмиграцию в Синьцзяне возглавил генерал-лейтенант А.С. Бакич.

Генерал Бакич считал свои военные подразделения остатками той армии, которую теперь возглавляли атаман Семенов и барон Врангель. Он сумел сохранить в войсках жесткую дисциплину, беспрекословное подчинение, боевые части, должности и весь распорядок внутренней службы.

Объединение прежде разрозненных белогвардейских военных формирований стало вызывать беспокойство у администрации провинции. Однако своими силами китайские власти не могли справиться с намного превосходящими их и по количеству, и по качеству отрядами Бакича. Между тем, дислокация такого количества белогвардейских войск в ближнем приграничье не отвечала интересам и Советской России.

Белогвардейцы мешали пропагандистской работе деятелей Коминтерна в приграничной полосе китайской территории. В отчете о проделанной работе представителя Отдела Внешних сношений Туркестана в Синьцзяне сообщается, что контрреволюционная пропаганда достигла того, что «даже самая забитая беднота, чувствующая раньше инстинктивно близость свою к России, проникалась до фанатизма духом враждебности к большевикам»⁹.

Кроме того, в связи с активными боевыми действиями, которые велись в данном регионе в период гражданской войны, у Советской России появились сложности с Китаем в отношении советско-синьцзянской границы. В 1920 г. местные китайские власти присвоили участок нашей территории, площадью около 60 кв. км, именуемый на картах урочищем Кызыл-Уй-Енке¹⁰.

Таким образом, ситуация в данном регионе была сложной как для Китая, так и для Советской России и требовала скорейшего разрешения.

Политика выжидания, медлительность, нерешительность и нежелание китайской дипломатии подписывать с Советской Россией соглашения о сотрудничестве в 1920–1924 гг. отразились и на тех договорах, которые касались ликвидации белогвардейских вооруженных формированиях в Синьцзяне.

Первые попытки снять с повестки дня эти вопросы российская сторона предприняла уже в сентябре 1920 г., т.е. буквально через несколько месяцев после ухода белых в Синьцзян. Эти попытки предпринимались в основном руководством пограничных районов и командирами дислоцированных здесь частей, т.к. своего представителя в Синьцзяне имел только Отдел внешних сношений Туркестана.

В сентябре 1920 г. была создана «Комиссия по переговорам с Китайскими представителями Алтайского округа Синьцзяна о выдаче бандитов, перешедших границу»¹¹. В комиссию вошли: командующий группой войск—Егоров, член Усть—Каменогорского уисполкома Рычков-Ракая, командир батальона 229—го Новгородского стрелкового полка—Никольский¹². 13 сентября 1920 г. члены комиссии перешли границу из Защитной волости. Они прибыли на пост Телектинский. Здесь их ждали представители китайской делегации во главе с начальником Алтайского бюро по сношениям с иностранцами Ма Цзином. По итогам переговоров стороны подписали совместный протокол. В котором говорилось: «Всем бандитам и беженцам, проживающим на границе китайской территории», будет сообщено, что если они вернуться в Советскую Россию, им будет объявлена амнистия. В противном случае китайские власти обяжут их «выехать в глубь Китая или вернуться обратно в Советскую Россию»¹³. Кроме этого, в протоколе отмечалось, что у китай-

ской стороны нет сил и возможности разоружить и обезвредить крупные банды, и поэтому она не может принять на себя ни каких-либо обязательств¹⁴. Подобные заявления китайцев отражали реальное положение вещей, хотя бывали случаи, когда «мелкие китайские чиновники за известную плату: хлебом, скотом и рогами маралов укрывают бандитов вблизи границы, не доводя об этом до сведения высших властей»¹⁵.

Кроме того, советской стороной были предприняты попытки, урегулировать ситуацию с беженцами. Попыткой ее решения стал договор от 30 апреля 1921 г., заключенный в Бахтах между РСФСР и Китайской республикой. Китайское правительство обязывалось выпустить в РСФСР всех интернированных в 1920 г. в Синьцзяне русских белогвардейцев и тех беженцев, которые пожелают добровольно возвратиться в Советскую Россию. Российская сторона, в свою очередь, гарантировала возвращающимся неприкосновенность их личности и имущества. Однако для окончательного решения «белогвардейской проблемы» этого было недостаточно. Советскими дипломатами была разработана простая, но практически беспроигрышная схема: было решено инициировать обращение китайских властей к Советской России за помощью в разоружении и выдворении с территории провинции белогвардейских отрядов. Затем, в ходе последующих переговоров по этому поводу и оперативных мероприятий Красной Армии по ликвидации белых, установить с провинциальным правительством такой уровень дипломатических контактов, который позволил бы в дальнейшем наладить с Синьцзяном более разностороннее прочное сотрудничество. Реализации этих планов способствовала активная деятельность советского представителя в Кульдже — О.Г. Баршака. Позже Баршак писал в докладной записке в НКВД: «Я в конце концов заставил китайские власти поставить вопрос о ликвидации генерала Бакича, на очереди и следствием этого было обращение китайских властей к нам за помощью»¹⁶. Военный губернатор Тарбагатайского округа Дзян Сян обратился к командованию Туркестанского фронта с просьбой оказать помощь китайским властям в разгроме белогвардейских отрядов. После положительного ответа советского командования, в ограниченном российском городке Бахты начались переговоры по этому вопросу. В ходе обсуждения с ки-

тайскими властями условий соглашения по проведению будущей операции советские представители выдвинули предложение о предварительном открытии консульств соответственно в Урумчи и Ташкенте. Однако это предложение в тот момент было отклонено. Но, несмотря на ряд этих и других осложнений, возникших в ходе переговоров (член реввоенсовета Сибфронта Воронин, которому было поручено вести переговоры, попытался внести в проект соглашения пункты о взаимном признании Советской России и Синьцзяна в политическом и экономическом отношении, чем превысил свои полномочия), 17 мая 1921 г. было заключено соглашение между представителями Синьцзяна и командованием Туркестанского фронта. В нем отмечалось, что белогвардейские отряды Бакича и Новикова нарушили международные правила об интернированных, производили формирования боевых отрядов, а также осуществляли нападения на китайских граждан и приграничные области Советской России. Поэтому китайское правительство согласно на ввод Советской Красной Армии на китайскую территорию для совместных военных действий против вооруженных белых отрядов Бакича и Новикова. В соглашении было также определено, что после окончания этой операции советские войска немедленно отводятся на территорию Советской России. На первые семь дней операции советские войска должны были иметь запас собственных продуктов, если же боевые действия не будут закончены в этот период, то китайские власти обязывались обеспечить поставку продуктов по красноармейским пайковым нормам. Предполагалось, что после завершения операции Советское правительство компенсирует эти поставки в натуральном или денежном выражении. Кроме этого, китайская сторона обеспечивала части Красной Армии гужевым транспортом¹⁷. Командование над всеми войсками, действующими на китайской территории, было поручено начальнику второй Туркестанской стрелковой дивизии Кремневу¹⁸.

В течение мая-июня 1921 г. части Красной Армии в ходе боевой операции освободили от белогвардейцев города Чугучак, Кобук и ряд сел. В ходе боев они захватили около 1500 пленных и большие трофеи, значительная часть которых была возвращена по принадлежности — китайцам. Однако Бакичу удалось избежать полного разгрома. Вырвавшись из окружения, он со своими войсками устремился к границам Монголии¹⁹.

Таким образом, Красная Армия не достигла своих целей. Возникла необходимость еще одной операции. Правительство Синьцзяна понимало это, однако, как и в первом случае, медлило с подписанием нового соглашения, разрешающего Красной Армии ввод своих частей на территорию Синьцзяна.

Со стороны Советской России соглашения, (как первоначально намечалось), должен был подписывать член реввоенсовета Турнфронта товарищ Воронин, находящиеся в то время в г. Чугучаке. Предварительно Главвоенсоветом Сибири ему было дано согласие на его подписание.

Наблюдение за выполнением этого соглашения, а так же заключение необходимых дополнительных соглашений возлагалось на Особо-Уполномоченного Революционного военного Совета войск Сибири И.М. Погодина²⁰. Кроме того, Погодину поручалось «войти в тесный контакт с Китайскими военными и гражданскими властями и уполномоченными лицами губернатора Синьцзянской провинции на предмет объединенных действий по уничтожению русских белогвардейских банд разоряющих население китайской провинции»²¹.

Однако по прибытии 27 августа 1921 г. в Семипалатинск, Погодину было сообщено, что Воронин не подписал соглашение с китайцами и выехал в Центр.

Своим заместителем в качестве представителя начальника пограничного Особого отделения он оставил Рейсберга, вручив ему свой проект соглашения²².

В связи с создавшейся ситуацией И.М. Погодин получил от Реввоенсовета Сибири дополнительные полномочия, позволившие ему подписать все необходимые соглашения.

13 сентября 1921 г. по прибытии Погодина в г. Чугучак, его немедленно посетили уполномоченные Синьцзянского Генерал-Губернатора и выразили желание скорее приступить к переговорам.

С китайской стороны «представителем Синьцзянской провинции по переговорам о ликвидации белых банд» был назначен Чугучакский уездный начальник Лю-си-цзын²³.

Из разговоров с уполномоченным, Погодину стало известно, что Китайские власти были очень слабо информированы о ситуации на фронте. Понимая выгодность своего положения, Погодин не старался посвящать противоположную сторону во все обстоятельства

боевых действий. По его мнению, это должно было побудить правительство Синьцзяна к быстрейшему подписанию соглашения, по возможности более выгодного для нас.

Ознакомившись с проектом соглашения Воронина, Погодин переформулировал его, учитывая существующее положение на фронте и время года. Помимо этого, он внес ряд изменений.

Был выпущен пункт, предлагаемый Ворониным, о преследовании войск Бакича вглубь провинции Китая.

Затем, потребовав бесплатное продовольствие для войск Красной Армии, он согласился снабжать китайские войска в случае надобности во время боевых действий патронами и снарядами (тоже бесплатно). При этом он старался убедить китайцев в том, что вступать им в бой не придется, т.к. Бакич уйдет в Южный Алтай. Третьим существенным изменением был пункт, требующий передачи Советскому Правительству всех русских белогвардейцев, интернированных и проживающих в пределах провинции Синьцзян²⁴.

Однако внесенные Погодиным изменения вызвали серьезные возражения со стороны китайских уполномоченных.

Во-первых, китайцы спасались движением Бакича на Юг Китая. Они понимали, что справиться своими силами с его подразделениями они не могут. Продвижение же частей Красной Армии вглубь страны их, по понятным причинам не устраивало.

Во-вторых, они отказывались передавать русских белогвардейцев Советской России, мотивируя свой отказ тем, что они не могут нарушить международный закон о выдаче интернированных.

Погодин пытался убедить их в том, что «русские белогвардейцы по международным законам не могут рассматриваться как интернированные, а должны рассматриваются как государственные преступники и дезертиры, ничем не отличающиеся от банд Бакича».

Тем не менее, китайские уполномоченные продолжали упорствовать. Погодин вынужден был уступить. При этом он взял честное слово с Тарботайского Губернатора и уполномоченных, что они выдадут Советской России 49 белогвардейцев, содержащихся в Дубруджинской тюрьме, которые, по сведениям Погодина, до перехода границы вырезали Кокнектинский Уисполком и Уком. Остальные же спорные пункты, против которых настаивали китайцы Погодин, категорически отказался изменить.

Однако китайские уполномоченные решили запросить Синьцзянского Генерал-Губернатора и обещали дать ответ через два-три дня²⁵. Ответа не было в течение восьми дней.

Возможно, китайцы не желали давать в руки Советского Правительства лишнего официального документа о взаимных с Красной Армией действиях против белых в оправдание себя перед другими государствами. Другой причиной могла быть, присущая китайцам, индифферентность, особенно, если они считали, что события еще не приняли слишком угрожающего характера.

Реввоенсовет Сибири отдал распоряжение Погодину предложить китайцам в трехдневный срок подписать соглашение. Если же «проект соглашения ими подписан не будет, Вам надлежит немедленно выехать в РВВС, объявив китайским властям, что ждать больше Вы не уполномачиваетесь»²⁶.

И. М. Погодин довел до сведения Уполномоченному по переговорам Лю-Си-Цзину вышеозначенное распоряжение. При этом он обратил внимание китайских дипломатов на то, что оружие, отбитое у Бакича и ранее принадлежавшее китайцам, «по формальным соображениям возвращено Вам не будет и Советские войска будут выведены из пределов Китая»²⁷.

В этот же день на обеде у Губернатора Тарбагатайского округа Погодин получил уверение с китайской стороны, что ответ от генерал-губернатора Синьцзяна уже получен, на завтрашнем заседании он будет рассмотрен и соглашение будет подписано.

На заседании китайцы выдвинули свой проект соглашения, не отвечающий интересам Советского командования. Тогда Погодин подтвердил свое намерение покинуть Китай, если не будет подписано соглашение в его редакции.

В результате 15 сентября 1921 г. соглашение было подписано²⁸. Данное Тарбагатайским Губернатором и Уполномоченным Лю-Си-Цзинем честное слово о выдаче 49 белогвардейцев из Добрулджинской тюрьмы было выполнено. Большинство из 49 человек оказались бывшими офицерами, один из которых во время конвоирования всех в г. Зайсан, бежал.

Интересно, что при всей медлительности, так называемой «политике выжидания» и некоторой неискренности, присущей китайской дипломатии на протяжении всего времени переговоров (харак-

терной также для китайской дипломатии вообще), советский Уполномоченный Погодин посетил около десяти званых обедов, устраиваемых китайской стороной «от имени народа, купцов и правительства» по случаю его приезда²⁹.

При этом китайские Уполномоченные постоянно подчеркивали могущество Красной Армии и свое искреннее желание жить в мире с Советской Россией. В свою очередь и Погодин старался доказать им, что интересы обоих государств тождественны. На этот счет Особуполномоченным были получены специальные инструкции от Наркома иностранных дел Г. Чичерина³⁰.

Советско-китайские соглашения о ликвидации белогвардейских вооруженных формирований, заключенные в 1920–1921 гг., имели исключительно важное значение для дальнейшего налаживания сотрудничества двух стран.

Был достигнут принципиально новый уровень взаимоотношений между Советской Россией и одной из крупнейших провинций Китая — Синьцзяном. На территорию провинции были введены войска иностранного государства-России, проведено несколько военных операций. Их результатом стала окончательная ликвидация остатков Белой армии, активная деятельность, которых в течение полутора лет вызывала острое недовольство правительства и населения Синьцзяна, а также приграничных районов Советской России.

Примечания

- ¹ Дипломатический словарь. М, 1964. Т. 3. С. 247.
- ² Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в 1918–1920 гг. М, 1964. С. 330.
- ³ История дипломатии. М., 1965. Т. 3. С. 228.
- ⁴ Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока... С. 14.
- ⁵ Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999. С. 108.
- ⁶ Государственный архив Новосибирской области далее — ГАОНО Ф. 1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 68.
- ⁷ Бармин В.А. СССР и Синьцзян. 1918–1941. Барнаул, 1998. С. 43.
- ⁸ Камский. Русские белогвардейцы в Китае... М., 1923. С. 14.
- ⁹ Цит. по: Бармин В.А. СССР и Синьцзян... С. 53.

- ¹⁰ Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: Граница. М., 2001. С. 13.
- ¹¹ Российский центр хранения и использования документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ) Ф. 495. Оп. 154. Д. 48. Л. 2.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Лямин Н. Операции Красной Армии против белых на территории Китайской Республики с 17 мая по 17 июня 1921 г. // Военная мысль. 1921. № 3. С. 92.
- ¹⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ) Ф. 0/100 в. Оп. 3. П. 101. Д. 1. Л. 31.
- ¹⁷ АВП РФ Ф. 100. Оп. 41-е. П. 163. Д. 1. Л. 27–28.
- ¹⁸ Лямин Н. Операции Красной Армии против белых на территории Китайской Республики... С. 93.
- ¹⁹ Молоков И.Е. Разгром Бакича. М., 1978. С. 12.
- ²⁰ ГАНО Ф. Р–1. Оп. 2а. Д. 20. Л. 6.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. Л. 3, 7.
- ²³ Там же. Л. 10.
- ²⁴ Там же. Л. 3.
- ²⁵ Там же. Л. 3, 17.
- ²⁶ Там же. Л. 16.
- ²⁷ Там же. Л. 17.
- ²⁸ Там же. Л. 12.
- ²⁹ Там же. Л. 4.
- ³⁰ Там же. Л. 19.